

ПРАВОВОЕ ДОСТОИНСТВО

№3 [86] май-июнь 2010

ЧТО ТАКОЕ ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ И НУЖНА ЛИ ОНА РОССИИ

СТР. 3-7

ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

Европейские ценности прорастают и на воронежской земле – стр. 2

Приемную Уполномоченного выгоняют из дома – стр. 8

В обсуждении вопросов защиты прав человека нередко возникают ситуации, когда речь идет не просто о защите или наоборот невмешательстве со стороны государства в права отдельной личности, а о согласовании диаметрально противоположных интересов разных общественных групп, когда каждая ущемление собственных интересов трактует как нарушение прав человека. В ряде случаев, такое нарушение действительно имеет место. Только вот каким образом в таких ситуациях действовать органам власти, когда они, даже из благих побуждений, все равно должны ущемить интересы одной из сторон и столкнуться с волной недовольства?

Обсуждение стратегии по введению в России ювенальной юстиции оказалось как раз той ситуацией, когда «всем не угодишь». Нам стало интересным разобраться, в какой момент никому не заметная деятельность по работе с подростками, совершившими правонарушение, стала восприниматься как монстр, угрожающий практически каждой семье, кому и зачем это понадобилось.

Причина таких «страстей по ювеналке» понятна, уж слишком объект внимания животрепещущий – дети. На первый взгляд, позиции сторонников и противников не-

приводимы к единому знаменателю. Если же присмотреться, то ряды сторонников/противников/сочувствующих далеко неоднородны. Есть сторонники, продвигающие концепт на уровне документов и правил. Есть сторонники, понимающие как пользу от грамотно отстроенной системы ЮЮ, так и риски, которые возможны при карательно-бюрократической практике применения. Есть противники, которые видят в ЮЮ происки врагов, направленные на целенаправленное разрушение российских семей и т.д. Есть противники, которые понимают, что кампанией оголтелого отрицания ничего не решить и нужно предлагать другие методы. Есть также различные органы власти в широком смысле слова (суды, опека, комиссии по делам несовершеннолетних, соцзащита, школы и детсады), которые могут как решать проблемы, так и создавать их. Например, изъять ребенка из семьи, в том числе в виде инструмента давления на «несогласных», выбивающихся из концепции «благополучной» семьи. И вот тут-то начинаются самые острые моменты, Интернет пестрит гневными комментариями: просто так прийти и отобрать, это же произвол, это значит, что кто угодно может прийти и отнять, в том числе и мое.

Только получается, что за своего ребенка я радею, а на чужих мне наплевать? Потому что есть немало детей, которым помощь государства или хоть какое-нибудь вмешательство извне жизненно необходимы. Весь вопрос в том, кто будет решать, нужно или не нужно вмешательство. Об этом и надо разговаривать – о правильных механизмах. О том, как разъяснить противникам ЮЮ, что фактически они борются не против бренда «ювенальная юстиция», а против существующей системы работы с несовершеннолетними в нашем государстве, которая пришла в негодность, и поэтому надо обсуждать, каким образом ее изменить. Это процесс долгий и сложный, он невозможен без совместной работы упомянутых общественных групп, но для этого нужно, чтобы каждая из них перестала видеть в другой врага.

Мы сделали подборку мнений людей, которые так или иначе с этой темой связаны. Она, безусловно, не отражает полностью картины. И, тем не менее, хотелось бы, чтобы именно в ключе объединения разного – но конструктивного разного – продолжалась бы общественная дискуссия по данному вопросу.

Алёна Обьездчикова

Фото Л. Захаровой

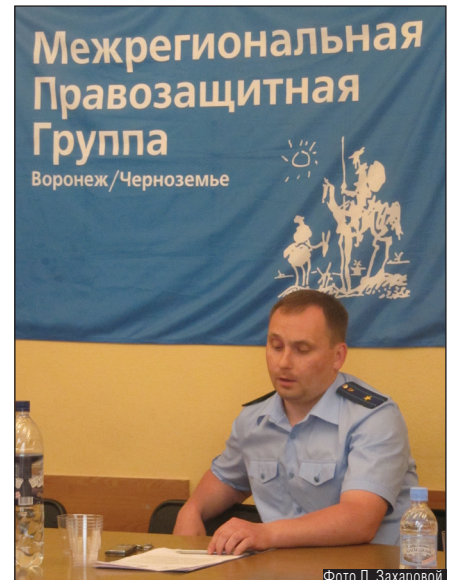

Фото Л. Захаровой

Европейские ценности прорастают и на Воронежской земле

20 и 21 мая в Воронеже проходил двухдневный семинар «Практика взаимодействия государственных и негосударственных правозащитных институтов в сфере продвижения европейских стандартов защиты прав человека на национальном уровне». Семинар был организован МПГ и Молодежным правозащитным движением при поддержке Директората по правам человека Совета Европы и Общественной Приемной Уполномоченного по правам человека в РФ (в Воронежской области).

Семинар открылся с приветственного слова собравшимся и выступлений приглашенных гостей из Страсбурга: Геннадия Косяка, советника по программам сотрудничества Генерального Директората по правовым вопросам и правам человека Совета Европы, а также Довидаса Виткаускаса, консультанта по вопросам прав человека, эксперта Совета Европы и Европейской Комиссии, бывшего юриста Европейского Суда по правам человека (в настоящее время кандидат на должность судьи), а сегодня – правового советника Администрации Президента РФ по вопросам апелляций и адвокатской тайны, эксперта проекта Евросоюза по судебной реформе в РФ.

Поскольку целью семинара было практическое обсуждение различных аспектов применения Европейской Конвенции о защите прав человека и

основных свобод (ЕКПЧ) на территории Воронежской области, то и участники семинара представляли самые разные целевые группы – органы исполнительной власти, суды, прокуратуру, МВД, неправительственные организации, аппараты уполномоченных по правам человека и др. Это, с одной стороны, породило немало дискуссий, с другой – были обозначены новые перспективы для совместной работы, в том числе на межрегиональном и национальном уровне.

Несмотря на то, что Россия ратифицировала ЕКПЧ более 12 лет назад, и она имеет прямое действие на территории РФ (то есть ровно такое же, как и Конституция, и все остальные национальные законы), до сих пор имеет место незнание закрепленных в ней стандартов и колоссальное непонимание роли этого документа в системе защиты прав граждан со стороны различных органов государственной власти. Есть также и проблема Европейского суда по правам человека, который завален жалобами, около 30.000 из которых поданы российскими гражданами, отчаявшимися найти защиту у себя на родине и зачастую воспринимающие Страсбург не иначе как четвертую инстанцию правосудия. В то же время, согласно мнению г-на Виткаускаса, Европейский суд должен не выносить приговоры по

частным делам, а скорее служить индикатором, сигнализирующим тому или иному государству о системных нарушениях в законодательстве или правоприменительной практике, с тем, чтобы они были устранены.

Второй день семинара был посвящен студентам юридических факультетов г. Воронежа. Для них была проведена лекция Директора Общественной приемной Уполномоченного по правам человека Андрея Юрова «Введение в концепцию Прав Человека и механизмов защиты»; сессия Д.Виткаускаса, где каждый имел возможность вынести и обосновать решение по ряду сложных дел Европейского суда; а также были представлены программы правозащитного и антикоррупционного образования для юристов, что также имеет немаловажное значение для продвижения европейских стандартов. Как подчеркнул Геннадий Косяк в своем выступлении: «Для Страсбурга важно не ругать Россию, а наоборот – видеть, что в стране существует политическая воля, которая стремится изменить ситуацию с нарушением прав человека на национальном уровне. Цель Конвенции – развивать на уровне отдельных стран эффективные правовые механизмы, повышать правовую культуру населения».

Алёна Обьездчикова

Что такое ювенальная юстиция и зачем она нужна России...

Илья Сиволдаев, юрист-ювеналист с 15-ти летним стажем, координатор программ МПГ по защите прав детей

В последнее время СМИ часто осуждают ювенальную юстицию в России и порой высказывают опасения, что она гарантирует детям «право на секс и разгильдяйство», поощряет доносительство детей на своих родителей, позволяет забирать детей из семьи, приводит к росту преступности и вообще продвигается на западные деньги. Опасения эти можно оправдать существующим положением семьи в России, однако приходится констатировать, что отсутствие информации делает нас заложниками ложных установок и манипуляторов.

Что такое ювенальная юстиция, и откуда она пошла

Ювенальная юстиция или правосудие, дружественное детям, – это система государственных и негосударственных организаций, профессионально занимающихся защитой прав семьи и детей. Специализация здесь совершенно необходима для решения очень серьезных проблем; так в медицине существует педиатрия, а в юриспруденции – ювеналистика.

Кстати, становление как педиатрии, так и ювеналистики в России проходило одновременно – в начале XX века. В январе 1910 года в Санкт-Петербурге появился первый мировой суд для несовершеннолетних. После революции 1917 г. детские дела передали на рассмотрение комиссий о несовершеннолетних. Сейчас мы вернулись к тому, что большинство жизненно важных решений о судьбе несовершеннолетних принимается судьями единолично, при этом детская специфика учитывается редко, т.к. суды перегружены делами и им некогда подробно вникать в суть детских проблем.

Так, если бы громкое дело об ограничении родительских прав Людмилы Бугановой рассматривалось не в Левобережном суде Воронежа, а в ювенальном суде Ельца (который существует второй год), то вместо скоропалительного удовлетворения иска прокуратуры было бы скрупулезное разбирательство причин семейного неблагополучия с проведением выездного заседания, и судья наверняка обязала бы в частном определении органы опеки и социальной защиты оказать помощь семье, разработать программу ее социальной реабилитации и контролировала бы ее исполнение. Так что на самом

деле все наоборот: неприменение судами ювенальных технологий приводит к нарушению прав детей и их родителей.

И прежде чем пугать население ювенальной юстицией, необходимо изучить опыт работы ювенальных судов тех регионов, где они введены в порядке эксперимента, например, Ростовской области. Там появление ювенальных судов привело к тому, что рецидивная преступность среди несовершеннолетних снизилась в несколько раз, уменьшилось и количество решений о лишении родительских прав.

Зарубежный опыт и Европейская социальная хартия

Европейская социальная хартия, которая частично вступила в силу в России в июне 2009 года, закрепляет право на охрану здоровья детей (ст. 11), и ни о каком обязательном сексуальном просвещении в ней не говорится. Что касается зарубежного опыта, то он, насколько мне известно, в основном положительный. По статистике, во Франции количество семей, лишённых родительских прав, редко когда превышает 100 в год. Для сравнения: в 2009-м году в России было лишено родительских прав более 60.000 семей, а около 2.000 детей погибло от рук собственных родителей. Так чья же система более эффективна? А изъятие ребенка из семьи если и происходит, то, в основном, на очень короткое время. Например, на время бракоразводного процесса родителей.

В Финляндии размер ежемесячного детского пособия составляет 200 евро для всех детей (у нас в Воронежской области – 193 руб. – только для детей из малообеспеченных семей), поэтому в Финляндии и к родителям предъявляются более серьезные претензии, особенно если они ведут нездоровый образ жизни.

Проблемы, безусловно, существуют и там. Но если врачи допускают ошибки, никто не требует упразднить медицину. Так почему же у нас пытаются очернить деятельность по защите прав детей?

Юстиция в интересах детей – приоритет воспитанию

В Воронежском институте МВД уже более 10 лет существует специализация «юристы-ювеналисты». Да, был период,

когда институт получал деньги от Фонда Сороса. Но эти деньги были потрачены на проведение научных конференций, выпуск учебной литературы, организацию спортивно-оздоровительного лагеря для детей группы риска «Ювеналист», и эти деньги были потрачены в интересах детей.

Помощь в создании ювенальных судов в Ростовской области оказывает Программа развития ООН, и это не иностранная помощь, а общемировая; Россия – основной донор ООН, и деньги, которые поступают в Россию на решение социальных проблем, – это фактически возврат наших взносов.

Юристов, которые являются сторонниками ювенальной юстиции, – десятки тысяч. Многие уже понимают, что если дети вырастут без прав, то у России не будет будущего. Среди известных сторонников ювенальной юстиции есть выпускники юридического факультета ВГУ, Н.К.Шилов (председатель Василеостровского суда г. Санкт-Петербург, председатель Ассоциации судей России по делам несовершеннолетних), И.И.Марков (председатель Липецкого областного суда, председатель рабочей группы при Совете судей России по созданию, внедрению и развитию механизмов ювенальной юстиции в системе правосудия РФ).

Что же касается гуманизации наказания детей, которую несет в себе ювенальная юстиция, то в этом нет ничего плохого. Россия занимает 2-е место в мире после США по количеству заключенных на душу населения. И именно восстановительные и примирительные подходы, применяемые ювенальными судьями, приводят к тому, что преступник заглаживает вред, причиненный потерпевшему, перевоспитывается, а не изолируется от общества, что ведет к его большей де-социализации и криминализации.

В заключение хочется сказать, что права маленького человека могут быть обеспечены и защищены только конструктивным сотрудничеством гражданского общества со всеми уровнями и ветвями власти – ради детей.

Надеюсь, что здравый смысл возторжествует, и в России появится совершенная система защиты детства, о необходимости которой говорит российский Президент.

Разные взгляды на ювенальную юстицию

Предлагаем вашему вниманию размышления о ювенальной юстиции психолога, многодетной матери, сотрудника аппарата регионального уполномоченного по правам человека, сотрудника Центра по работе с трудными подростками, а также представителя Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Даниловом монастыре в Москве

Дина Йошпа,
психолог

Если говорить про систему ювенальной юстиции, лучше начать с того, зачем эту систему пытаются ввести в России, почему этим занимаются прогрессивные люди в нашей стране.

Сейчас дело с несовершеннолетними обстоит в России следующим образом, существует ряд организаций, которые занимаются тем, чем в других странах занимаются Ювенальные суды. Например, если ребенок совершил преступление, то им занимается ОППН (Отделение профилактики правонарушений несовершеннолетних), ОВД (прим. – бывшая детская комната милиции), КДН (Комиссия по делам несовершеннолетних) и суд. Если у ребенка родители алкоголики и не могут его воспитывать (а бывает, что и вообще мама растит ребенка в шкафу, сама видела таких детей), то ими занимается КДН и Опек. Существует ряд социальных и психологических организаций, которые системно не связаны ни с судом, ни с КДН, ни с Опекой. Мало того, часто их работа затруднена тем, что они принадлежат к разным департаментам. Например, Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции не может работать с детьми по направлению из КДН, поскольку принадлежит департаменту образования, а не соцзащиты. И так далее. Хотя совершенно понятно, что КДН, Опек и суды не могут оказать ребенку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, и его семье никакой реальной помощи. Санкции, которые они налагают, мало что могут изменить в жизни семьи, кроме усложнения этой жизни.

Приведу примеры.

1. Ребенок совершил преступление. Инспектора-милиционеры ставят его на учет, КДН ставит его на учет, суд выносит решение по его уголовному делу. Чаще всего, если преступление совершено впервые (или ребенка впервые уличили в преступлении), то суд выносит решение о передаче под надзор родителей (причем, раньше ведь этого надзора не было,

что изменилось сейчас?) либо выносит условную меру наказания (то есть, ребенок должен теперь ходить и отмечаться в уголовно-исполнительную инспекцию и все, больше ничего не изменилось). Причины и последствия преступления никто не помогает исправить, никто не помогает ребенку и его семье что-то изменить в их жизни так, чтобы преступлений больше не было. Если ребенок не впервые совершил преступление, то его отправляют в колонию, которая опять же, как известно, вовсе не исправляет.

2. Родители ребенка не в состоянии за ним присматривать: либо постоянно пьяные, либо вообще дети им не нужны. Например, в приют, в котором я работала, поступали дети, которых мама растила в шкафу, чтобы детей не видели мужчины, которым она оказывала услуги. Или поступил однажды мальчик, который в свои пять лет знает только три слова матом и вообще не умеет общаться с людьми – как Маугли. Во всех этих случаях Опек изымает ребенка из семьи, помещает в приют (социально-реабилитационный центр) и подает в суд запрос на лишение семьи родительских прав. Никакая целенаправленная работа с семьей не ведется. Пока не решится вопрос о лишении, ребенок слоняется по приютам. Затем, года через два, попадает в детский дом.

Получается, что все организации, которые по закону занимаются детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию, разрознены, часто несколько организаций подключены к одному и тому же ребенку, но настоящая работа ни с ребенком, ни с его семьей не ведется.

Ювенальные суды позволили бы в корне изменить ситуацию. Со всеми делами работала бы одна организация – ювенальный суд. В ее задачу входило бы всестороннее рассмотрение ситуации несовершеннолетнего, попавшего в трудную жизненную ситуацию, и подключение к работе с ним и его семьей соответствующих социальных и психологических организаций.

Например, в Польше ювенальный судья знакомится с делом, которое к нему по-

ступило, подключает к делу специального куратора, обладающего психологическим и педагогическим образованием. Куратор встречается с ребенком и его семьей и разрабатывает совместно с ними программу реабилитации, которая позволит семье изменить свою жизнь так, чтобы ребенок не совершал больше преступлений, чтобы родители бросили пить, чтобы занимались своими детьми. К работе с семьей куратор подключает различные психологические и социальные организации. Затем куратор обсуждает с ювенальным судьей то, как меняется ситуация в семье. Все санкции, которые применяет судья к этой семье, вытекают из того, какая работа ведется с семьей, каковы в семье изменения.

В России мы хотим, чтобы с детьми и их семьями тоже работали, а не накладывали на них бесполезные санкции, не клеймили бесполезными постановками на учеты. На мой взгляд, система ювенальной юстиции позволит укрепить семьи, позволит разрозненным сейчас социальным и психологическим учреждениям целенаправленно и системно работать с детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию, и их семьями, а судам координировать эту работу, а не наказывать.

Мы начинали эксперименты в этой области с 1999 года в сотрудничестве общественного центра «Судебно-правовая реформа» и Черемушкинского межмуниципального суда города Москвы, организуя работу с детьми, совершившими преступления, и их семьями. Затем к этой работе подключился психологический центр «Перекресток» МГППУ. Подобные эксперименты начали проводиться с судами и КДН в других городах.

Подробнее о том, как начиналась эта работа и как ведется она сейчас, можно почитать на сайте Центра «Судебно-правовая реформа» и Центра «Перекресток» МГППУ. Существует множество других прогрессивных организаций, которые занимаются этим. Интересен опыт ювенальных судов в Ростове.

Очень надеюсь, что наше государство, наконец, переключит свое внимание с наказания на целенаправленную работу с семьями.

**Надежда Киселева,
многдетная мать,
участник МПД**

Я сейчас больше похожа на обывателя, который боится «беспредела», но у меня чисто правозащитная реакция на такое дело: это карательная ювенальная юстиция, это метод давления на семью, который вторгается в святая святых – отношения в семье, нанося непоправимый урон детской психике, авторитету взрослого. В какую ужасную ситуацию попадают семьи с детьми при разводе: придет какая-то «тетя», будет лазить по шкафам и считать, хватает ли ребенку игрушек, одежды и т.д. и от этого зависит, с кем и где останется ребенок.

А если «ретивые» соседи, которым здоровый ребенок с режущимися зубами не дает спать по ночам, заявят «куда следует», а тут окажется, что у ребенка подгузников нет, а их, например, вообще нет, и коляски нет, и кровати нет, и игрушки все мама сделала, потому что она носит ребенка в слинге, спит с ним вместе и т.д.? По формальным, «опечным» признакам за этим ребенком «осуществляется ненадлежащий уход», и доказывая потом какому-то органу, что ты любишь своего ребенка... В трудную ситуацию попадают и семьи, в которых дети находятся на домашнем обучении...

Когда-то я поддерживала ювенальную юстицию, которая только начала развиваться. Этот подход означал наличие обученных судей – для вынесения взвешенных решений. И оправдано было слово «юстиция». То, во что это превращается, сейчас, ни коем образом не связано с юстицией – детей отправляют в детдома без санкции суда... Оспаривать эти дела сложно, пока вопиющие случаи удавалось решать широким общественным резонансом...

**Юрий Ковыршин, сотрудник
Аппарата Уполномоченного
по правам человека
в Липецкой области**

Ювенальная юстиция является составной частью примирительных технологий. Вместе они образуют главные элементы программ восстановительного правосудия – своеобразной альтернативой принятому в современном обществе карательному способу реакции государства на преступления небольшой и средней тяжести.

При работе с трудными детьми внедрение ювенальных способов решения конфликтов, как отмечают юристы, помогает постепенно превратить комиссии по делам несовершеннолетних в орган, помогающий справиться с проблемами в асоциальной семье. По рекомендации ООН такие технологии используются наряду с официальным уголовным судопроизводством. Внедрение примирительных процедур (технологий) – это проблема не только законодательного характера, но и организационного, зависящего от политической воли органов исполнительной власти на уровне России и субъектов Федерации. При этом нужно четко понимать, что примирение, ювенальная юстиция – не есть всепрощение, это наказание, но наказание преступника через понимание и осознание им преступления, боли потерпевшего, раскаяние и покаяние преступника, компенсации им причиненного вреда, милосердие к нему общества и возможность искупить ему свою вину.

Российское государство и гражданское общество очень трудно – психологически и интеллектуально – осваивает новые технологии, крайне медленно отказывается от репрессив-

ной системы права в пользу примирительной системы урегулирования социальных конфликтов и построения общества на демократических принципах позитивного права.

Возвращаясь к ювенальной юстиции, необходимо отметить, что, несмотря на положительную практику применения ювенальной юстиции в Липецкой области, данная деятельность по-прежнему нуждается во всемерной поддержке.

В обществе ещё не сложилось устойчивого восприятия ювенальной юстиции как позитивной формы осуществления правосудия, направленной как на защиту прав потерпевших, так и на перевоспитание «трудных» подростков, выявление семей, в которых совершаются преступления в отношении детей или других членов семьи.

До сих пор существует опасное заблуждение, что ювенальная система подрывает авторитет родителей, что их подменяют судьи, социальные работники и другие государственные органы. И это заблуждение активно культивируется некоторыми социальными группами.

Необходимо еще раз заявить, что ювенальная юстиция – это, пожалуй, самое гуманное и эффективное средство защиты детей – как от произвола преступника, так и от произвола государства. Это средство спасения семей, средство сохранения будущего для детей, ставших жертвами преступления или нарушивших закон.

На мой взгляд, органам государственной власти и местного самоуправления, гражданского общества, необходимо всемерно поддерживать ювенальную юстицию, т.к. она даёт детям (и жертвам преступлений, и правонарушителям) возможность построить новое будущее – без прошлого страха, без криминального опыта, без несоразмерного насилия. Необходимо создать и внедрять в общество, государственные институты, программу правового и гражданского просвещения, одной из важнейших частей которой является ювенальная юстиция.

В заключение хотел бы привести слова Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «Выше закона может быть только любовь, выше права лишь милость, и выше справедливости лишь прощение».

Вячеслав Москвичев,
Центр по работе с трудными
подростками «Перекресток»
moskslav.livejournal.com

Мне кажется, что дискуссия вокруг ювенальной юстиции уводит к ложным дилеммам от решения реальных проблем:

1. Бессмысленна постановка вопроса «за» или «против» ювенальной юстиции как особых социальных практик помощи детям, отличным от практик помощи взрослым. Они уже давно вошли в нашу жизнь, и потребность в них очевидна, хотя бы в силу того, что дети отличаются от взрослых. А вот вопрос о том, какая ЮЮ нам нужна, какие практики необходимо развивать для решения проблем детей и семей в нашей стране, – очень актуален. И чем больше разных людей, в том числе самих родителей и детей, а также специалистов разных сфер, работающих в разных подходах, примет участие в его обсуждении, тем больше вероятности, что наша ЮЮ будет эффективна и полезна обществу и отдельным людям, детям и родителям.

2. Противопоставление «нашего» и «западного» путей, ЮЮ и русской семейной традиции носит искусственный характер. Во-первых, нет «западной ювенальной юстиции», есть множество разных подходов к решению детских проблем, очень отличающихся в разных странах, в том числе – включающих традиции этих стран. Во-вторых, ювенальная юстиция скорее не разрушает традиционное устройство семьи, а решает проблемы, возникшие в современном обществе, в том числе – вследствие изменения традиционных структур семьи и общества. Мир изменился и продолжает меняться, прежние социальные практики помощи детям и семьям также должны измениться.

3. Возможно, противникам не нравится именно словосочетание «ювенальная юстиция»? Самый простой выход – переименовать ее в «детскую юстицию», хотя и удивительно, что именно это словесное заимствование вызвало столько эмоций. Претензия, что перенимается западный опыт решения проблем? На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что в России уже очень много своего опыта. Но в наше время разделить опыт, идеи, технологии на собственные и заимствованные, западные и восточные можно только весьма условно. Когда разные страны сталкиваются с похожими проблемами, ищут подходы к их решению, специалисты часто приходят к схожим выводам. А

быть в курсе работы своих коллег в других странах – это необходимая составляющая профессионализма в любой сфере, в том числе – в социальной.

Так в чем же состоит суть претензий противников ювенальной юстиции? Мой личный вывод, из всех материалов, которые я успел прочитать, – в недоверии к государству, к его способности решать проблемы с учетом интересов своих граждан, с достаточной степенью профессионализма и прозрачности. И я разделяю эти опасения, в том числе – исходя из своего личного профессионального опыта, когда я был свидетелем широкого распространения социальных инноваций: приютов, уличной социальной работы, школ приемных родителей и т.д. Весьма успешные социальные проекты, при массовом распространении «сверху», часто не просто теряли в своем качестве, но начинали работать совсем на другие цели. Но большинство действий, которые обсуждаются и осуждаются широкой общественностью, не имеют к ЮЮ никакого отношения, поскольку осуществляются нашей старой доброй опекой, которой не один десяток лет, и воспроизводят они старые традиции неуважения к человеку вообще и к ребенку в частности.

Поэтому, крайне важным для меня аргументом в пользу ювенальной (или детской) юстиции, является то, что ЮЮ не приходит на пустое место. В нашей стране уже существует множество практик решения детских и семейных проблем, в том числе – колонии для несовершеннолетних, спецшколы для детей с девиантным поведением, практики изъятия детей из семей, система приютов, в которые эти дети помещаются, и др. Эти механизмы есть в любом государстве. Беда в том, что в нашей стране эти практики чаще всего носят административно-репрессивный характер, им практически не сопутствует качественная и профессиональная социальная и психологическая помощь. Существующие на настоящий момент практики применяются запоздало и неэффективно, семья может находиться в течение нескольких лет в трудной ситуации, дети – подвергаться насилию, и при этом не получать никакой помощи, если не считать таковой предупреждения, нравоучительные беседы, постановку на учет, угрозы лишения родительских прав и другие подобные меры. В эту систему уже включены десятки тысяч специалистов из тысяч учреждений, на ее поддержание тратятся огромные деньги, но она оказывается не-

эффективна в решении проблем. Родители лишаются родительских прав, дети попадают в приюты, детдома, интернаты, колонии. Государство не только тратит средства на содержание детей в этих учреждениях, но и на выходе из них в огромном количестве случаев получает не социально-активных граждан, реализующих себя и приносящих пользу обществу, а людей, чувствующих себя жертвами системы, не готовых принимать ответственность за свою жизнь, легко попадающих в сферу влияния криминала, пополняющих ряды уже взрослой преступности или становящихся жертвами преступлений.

Идеи, объединенные на настоящий момент под общим именем «ювенальная юстиция», призваны изменить именно эту ситуацию, которая не гипотетична, которая уже есть. Можно называть ее по-другому, можно подвергать сомнению эффективность тех или иных социальных технологий, предлагать вместо них другие, но решать действительно существующие, актуальные проблемы, в результате которых родители не лишаются детей, дети – родителей, рушатся семьи и судьбы.

А еще мне кажется очень важным отделять непрофессионализм, нарушение закона, беспредел от системы, сейчас существующей, и тем более от ЮЮ, которой пока нет. Мои надежды связаны с тем, что ЮЮ регламентирует деятельность чиновников и усилит репрессивный, помогающий компонент в их деятельности. На мой взгляд, государство (и чиновники) должны отвечать не только за свои действия в этих ситуациях, но и за профилактику возникновения и развития трудных ситуаций до состояния угрозы жизни детей.

А пока идут споры «за» и «против» ювенальной юстиции, продолжает работать система домов ребенка, детских домов и интернатов разных видов, в тысячах семей кризисные ситуации разрешаются с помощью насилия (не только в отношении детей), а преобладающей формой внимания к этим ситуациям остаются административные меры, угрозы лишения родительских прав и, наконец, лишение родительских прав. Система работает, дети попадают в приемные отделения, приюты, далее – в детские дома, далее – в колонии. А потом они становятся взрослыми и начинают вместе с нами строить наше общество. И то, каким будет их вклад в это строительство, зависит от того, как мы помогли им в трудных ситуациях, встречавшихся в их детской жизни...

Православие и ювенальная юстиция. Точки над і

Юрий Белановский
заместитель руководителя
Патриаршего центра духовного
развития детей и молодежи при
Даниловом монастыре в Москве

Долгое время эта тема входила в разряд достаточно специфических вопросов, продиктованных развитием профилактических и реабилитационных программ по работе с трудными детьми. Однако, во многом благодаря православной общественности, получила развитие тема якобы разрушительного влияния ювенальной юстиции на российские семьи. Из профессиональных юридических и социальных технологий, направленных на защиту прав детей и семей, ювенальная юстиция перешла в общественном сознании в область социальных угроз.

Вполне можно проследить всю историю формирования «антиювенальной кампании». Началось все с пары сугубо православных сайтов, периодически размещавших некоторые обличительные, порой клеветнические, материалы, направленные большей частью против конкретных людей. Очень быстро, как грибы после дождя, стали расти публикации, обличавшие не только западные «перегибы» защиты прав детей но и, что самое удивительное, гипотетически возможные, но не существующие варианты российской действительности.

Точки над і

Первое. Многие уверены, что именно Русская Православная Церковь выступила инициатором «антиювенальной кампании» и осудила развитие детского правосудия в России. Однако это не так. Если говорить серьезно, православие как христианство по сути никак не связано с темой ювенальной юстиции, поскольку вопросы права – это дело государственного устройства и культуры той или иной страны. Тут даже доказывать ничего не надо, достаточно прочесть Евангелие и посмотреть на религиозную карту мира. Православие мирно и спокойно присутствует на всех континентах, в самых разных странах, признает самые различные виды государственного и политического устройства. Православная Церковь есть и в странах, прославившихся скандалами на почве ювенальной юстиции: Финляндии,

Франции и Канаде. Надо понимать, что присущая современному секулярному обществу детская специализация права в Европе началась более полувека назад и с тех пор не вызвала никаких нареканий православной общественности и церковного священноначалия.

На данный момент нет ни одного официального общецерковного заявления от РПЦ (как, впрочем, и от других поместных церквей). Имеется ряд озвученных опасений, недоумений, возражений, в том числе от главы синодального отдела по взаимодействию церкви и общества. Синод РПЦ призвал христиан, а также общество и даже власти, обратить внимание на вопросы защиты прав детей и семей и в качестве исходного посыла для дискуссии взять обращение XIV Всемирного Русского Народного Собора, поскольку, как бы к нему не относиться, это голос немалого количества людей, обеспокоенных данной темой.

Я думаю, что на этом этапе РПЦ и не может сформулировать свою позицию, ибо до сих пор нет ясности не то что о сроках и вариантах практической реализации ювенальной юстиции в России, но даже в терминологии. Более того, нет ясности в ключевом для многих вопросе об отношении руководства страны к детской специализации права.

Второе. Трудно понять, откуда возникла мысль, что смысл детского правосудия в том, что кто-то желает отбирать детей у родителей. Скорее всего, это реакция народного сознания на примеры неоправданно жесткого поведения определенных социальных работников, чиновников и представителей правоохранительных органов на «Западе» и в России. Думаю, что выражая недовольство введением ювенальной юстиции, общественность тем самым говорит о своих опасениях по отношению к тому правовому беспределу, что сейчас творится в нашей стране.

Важно понимать, что порой лишение родительских прав – это единственный способ оградить ребенка от насилия. Если, к примеру, отчим сексуально насилует своего приемного сына в присутствии матери (а это реальная известная история), то понятно, что у этой семьи нет будущего, здесь должна быть уголовная ответственность. Но совершенно другая

ситуация, когда в семье возник конфликт в силу педагогической несостоятельности родителей. Ребенок начинает уходить из семьи. В теории, для правоохранительных органов и социальных служб – это симптом, который они должны вовремя заметить и построить некую систему поддержки семьи и ребенка.

Третье. Осмелюсь предположить, что неприятие ювенальной юстиции в среде именно православной общественности происходит из-за того, что за годы церковного возрождения, православная христианская педагогика на практике все еще находится в стадии начального становления. Нередко именно православные христиане через насилие понуждают детей к религиозным действиям. Форма порой предшествует содержанию. Думаю, проблема в том, что сами православные христиане забывают очень важную вещь. Жизненные, в том числе религиозные ценности, передаются через совместный опыт жизни и через диалог в свободе. Если маленький человек понимает, почему ему нужно ограничивать себя в чем-то (поститься, например) и делать добро, он принимает эти ограничения и добро как свой личный свободный выбор, ведь православие – это, прежде всего, личный выбор любить Бога, общаться с Ним, это свобода принять известные нравственные законы.

Четвертое и последнее. Противостояние православной общественности ювенальным инновациям приносит огромные репутационные потери РПЦ в глазах профессионального сообщества в целом и носит характер затянувшегося недоразумения. С одной стороны, всем понятно, что отменить ювенальную юстицию можно, только отменив всех детей. Пока есть дети, они будут попадать в непростые ситуации, и государство, и общество, и Церковь не смогут не реагировать на это. С другой стороны, именно сейчас решается, какова должна быть реакция, что должно быть критерием для вмешательства государства в ту или иную ситуацию. Голос православной общественности услышан, она «против». Сможет ли эта общественность более ответственно подойти к делу, вступить в диалог и ясно сказать «за» что она и что конкретно предлагает? Именно в этом я вижу основной вопрос сегодняшней ситуации.

Материал с сокращениями
с сайта АиФ.online от 10.06.2010 г.

ПРИЕМНУЮ УПОЛНОМОЧЕННОГО ВЫГОНЯЮТ ИЗ ДОМА

Многочисленные воронежцы, приходящие за защитой своих прав на Цюрупы, 34, снова рискуют остаться без помощи. В Общественную правозащитную приемную пришло письмо из Управления муниципальной собственности о расторжении договора аренды и освождении помещения.

«Избу разделили, скоро печку начнут пилить!»: примерно в такой ситуации героев из Простоквашино оказались обитатели Дома Прав Человека – Воронеж. В начале этого года им уже пришлось вести кампанию за выживание в связи с непомерным повышением цены за арендуемое муниципальное помещение. Тогда за ДПЧ вступились многие, и двум ведущим организациям Дома – Молодежному правозащитному движению и Конфедерации свободного труда была предложена возможность безвозмездной аренды. Только почему-то в процессе подписания договоров с Управлением

муниципальной собственности МПД его подписали, а КСТ получило отказ. Никакие аргументы о том, что обе организации в равной степени несут на себе бремя по обеспечению работы Дома Прав Человека, а КСТ находится даже в более уязвимом положении в связи с почти полным отсутствием стабильного финансирования, не помогли. В итоге КСТ, а также МПГ и Общественная приемная Уполномоченного по правам человека в РФ в Воронежской области (ОПУПЧ), которые занимают ряд помещений КСТ на основании договора субаренды, снова принимаются паковать чемоданы.

Директор ОПУПЧ, член Экспертного Совета при Уполномоченном Андрей Юров комментирует: «Причин таких действий со стороны сотрудников муниципалитета может быть несколько. Это либо слишком ответственное исполнение указаний по пополнению городского бюджета, без цивилизованного понимания того, на чем деньги нужно и можно зарабатывать, и на

что их необходимо тратить. Либо это часть целенаправленной деятельности по перекладыванию заботы о клиентах Приемной на плечи государственных и муниципальных служащих, поскольку большинство из них представляют уязвимые социальные группы и не могут себе позволить услуги платного адвоката, если мы закроемся. Либо же вся ситуация просто плод ошибки или халатности, непонятно только почему она повторяется каждые три-четыре месяца. Мы будем обращаться к В.П.Лукину с запросом о проведении личной встречи с руководством Воронежской области с тем, чтобы разрешить эту ситуацию на системном уровне».

Пока обитатели ДПЧ еще надеются, что без встречи с судебными приставами, пришедшими выселять их из Дома, где первые из них начали работать более двадцати лет назад, все-таки обойдется. Но какие механизмы для этого нужно использовать, и каковы гарантии результата, по-прежнему остается непонятным.

**Общественная
информационная служба**

Дом Прав Человека открыл сезон стажировок

4 июня в Доме Прав Человека – Воронеж открылся сезон стажировок для студентов-юристов из многочисленных вузов нашего города.

Для молодых людей, прошедших конкурсный отбор, была организована вводная встреча. На ней будущие стажеры познакомились со своими потенциальными кураторами. А последние, в свою очередь, приоткрыли тайны правозащитной работы как на региональном, так и международном уровне.

Встреча началась с презентации Дома Прав Человека (ДПЧ) как одного из институтов поддержки и укрепления правозащитной деятельности. Молодые люди узнали об истории возникновения Домов Прав Человека по всему миру, а также о том, почему именно Воронеж стал вторым городом в России, в котором есть ДПЧ, и кто стал его основателями.

Вторая часть мероприятия была посвящена непосредственно тому, чему можно научиться у специалистов правозащитных и гражданских организаций, объединенных под крышей ДПЧ. Направления деятельности – от достаточно понятной для юриста работы с судами до экзотической борьбы с коррупцией, от продвижения европейских стандартов в области защиты права на свободу собраний и ассоциаций до кропотливой работы на уровне региона по правонарушениям, совершаемым представителями правоохранительных органов, от работы над правовым статусом студентов до непосредственной защиты тех же студентов от незаконного призыва в армию, и т. д.

Презентация была полезна будущим стажерам не только как знакомство с теми, из которых им предстоит выбрать несколько для своего обучения и работы, но и как просветительское меропри-

ятие – ведь о многих направлениях деятельности, связанной с защитой Прав Человека в вузе, не рассказывают.

По итогам встречи были назначены даты вводных семинаров по отдельным темам, после которых студенты приступят к работе бок о бок с известными не только в Воронеже, но и далеко за его пределами правозащитниками, юристами и адвокатами.

Стажировки – часть большой программы «Школа Прав Человека и правовых механизмов защиты», запущенной Общественной приемной при Уполномоченном по правам человека в РФ (в Воронежской области), МПГ и Антикрупционным Сетевым Кабинетом. Школа открыта для студентов-юристов, а также всех тех, кому хотелось бы защищать людей от несправедливости с помощью Права и Закона.

**Дополнительная информация:
law-school@inhrschoool.org,
тел.: (4732) 54-55-32**

Газета зарегистрирована Центрально-Черноземным региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства РФ о СМИ. Свидетельство № В 1863 от 27.09.1999.

Издается при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак Артуров

Адрес редакции:
394000, Воронеж-центр, а/я 35.
Тел. (4732) 55-39-47. irhrg@HRworld.ru
Адрес типографии издателя:
394000, Воронеж-центр, а/я 163.
Тел. (4732) 54-55-29. literary@HRworld.ru

Учредитель –
Межрегиональная Правозащитная Группа
(Воронеж/Черноземье).
Издатель – Профсоюз Литераторов.

Подписано в печать – 10.06.2010.
Даты выхода – 11.06.2010.
Тираж – 2000 экз.
Отпечатано в типографии ПЛ.

Выпускающий редактор – Алена Обьездчикова.
Редактор номера – Любовь Захарова.
Дизайн – Захар Яшин.
Верстка – Бубликов Андрей.

Распространяется бесплатно